

Розділ II. РЕЛІГІЙНІ ЗМІНИ Й РЕЛІГІЙНІ СВОБОДИ: МОДЕЛІ КРАЇН ЄВРОПІЙ АМЕРИКИ

Коул Дьюрэм (США)

РЕЛИГИОЗНАЯ СВОБОДА И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ЗАМЕТКИ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ОПЫТЕ

Америка родилась в Европе. Но Атлантический переход и неожиданная встреча с новым континентом переплели ткань европейского наследства в ходе построения новой нации. Меня попросили отразить в этой статье значение одного аспекта "морской перемены": роль религиозной свободы в становлении американской национальной идентичности. На самом деле это обширная и запутанная тема, которая буквально заполняет библиотеки в Соединенных Штатах. Все, что я надеюсь осуществить здесь, это - предоставить несколько замечаний по американскому опыту, проследив появление религиозной свободы как фундаментального права человека и очерти путь, по которому религиозная свобода, а не сама религия стала источником национальной идентичности.

1. Религиозное основание государства.

Описания основания Америки почти всегда сводится к религии. Есть доля правды в циничной карикатуре, которую я часто привожу в материалах моего курса по церкви и государству. Два странника стоят на палубе корабля, и один говорит другому: "Религиозная свобода - моя ближайшая цель, но мой долгосрочный план - заполучить настоящее состояние". Иными словами, часто имелась экономическая подоплека в во внешне религиозной мотивации эмиграции и колонизации. В то же время есть что-то существенно ложное в учебниках, увязавших в чрезмерном уважении к отделению церкви и государства в учебном заведении, которые интегрируют историю основания <государства> таким образом, что роль, сыгранная религией, игнорируется или преуменьшается. История отцов-пилигримов и коммун, которые они строили, глубоко религиозная. Они были не просто "скитальцами в чужой земле", во что пытаются заставить поверить будущее поколение учебники. (По мнению автора статьи, очищение исторического сознания от якобы устаревших и окостеневших концепций исторического развития носит негативный характер - *прим. перев.*)

Ошибочно полагать, что все Британские колонии, выросшие вдоль Американского побережья, были одинаковыми. Они были примерно равны европейским странам по своим размерам и каждая развивала свою собственную культуру и национальную идентичность. Верно, что сурова печать протестантизма, известного как пуританизм, сыграла ключевую роль в колонизации фактически всех британских колоний, и, в особенности, решающую роль это сыграло в северных штатах Новой Англии. Ко времени Революции 75% американцев выросли в семьях, поддерживающих одну из форм пуританства. Большинство остальных имело корни в соответствующих традициях европейского кальвинизма. Тем не менее, характер религиозных групп в каждой из колоний придавал каждому из зарождающихся штатов различно культурные содержание.

Штат на Заливе (имеется в виду штат Массачусетс - *прим. перев.*), колонизированный в 1630 году, с самого начала был пуританской колонией, которая рассматривала себя в терминах библейского образа "города на холме". Эта группа до сих пор не рассматривает себя "отдельно" от Англиканской церкви. Говорят, что Франсис Хиггинсон, один из основателей этой группы, воскликнул, когда корабль с его партией на борту проплывал Лэндз Энд (Край Земли): "Мы не отправляемся в Новую Англию как сепаратисты от Англиканской церкви, хотя мы не можем не отделиться от коррупции в ней: но мы отправляемся осуществлять позитивную часть церковной реформации и проповедовать Евангелие в Америке". Колония на Заливе управлялась религиозной элитой, когорая несомненно не отличалась своей толерантностью и потому о ней можно сказать мало хорошего. "Толерантность", писал Джон Коттон,

один из ведущих священнослужителей, - "сделала мир атихристианским". Энн Хатчинсон была изгнана из Массачусетса за поддержку антиномической ереси (первого массового социального движения в Новой Англии, которое выступило прогив пуританской ортодоксии. Энн Хатчинсон вместе с Роджером Уильямсом стала основателем колонии Род-Айленд. О Р. Уильямсе и Род-Айленд см. ниже - *прим. перев.*). Она позже была убита индейцами в 1643 году, после нескольких лет странствий вдоль границ Новой Англии. Баптисты, квакеры и меннониты также подвергались различного рода преследованиям. От налогоплательщиков в Массачусетсе требовали поддерживать "способного, ортодоксального и эрудированного священнослужителя", что породило немалый страх у верующих, не являющихся конгрегационалистами, но несших на себе **свое** собственное клеймо ортодоксальности. Неудивительно, что штат Массачусетс был последним штатом, отказавшимся от своей государственной церкви, и не провозгласил отделение церкви от государства на протяжении 40 лет после ратификации Конституции и образования Соединенных Штатов.

Колония Массачусетс была достаточно широко мыслящей, чтобы ассимилировать первых отцов-пилигримов, колонизировавших в 1620 году Плимут. Это была сепаратистская группа, отражающая более набожную часть Реформации. Однако Роджер Уильямс, один из святых-покровителей религиозной свободы в Америке, оказался вынужденным покинуть Массачусетс в 1636 году из-за разногласия с руководителями колонии в вопросах доктрины (Роджер Уильямс - священник, известный богослов. Он прибыл на континент в 1631 году; его пророчили в пасторы Бостона - столицы Массачусетса. Религиозный диссидент, выступивший против руководителей колонии - бостонского магистрата, который проводил политику принудительного религиозного однообразия. Защитник интересов местного населения. Родоначальник движения в защиту свободы совести. Многократно изгонялся и преследовался - *прим. перев.*). Он взял небольшую группу своих последователей и основал то, что известно сейчас как Род-Айленд (а в то время - колония южнее Нового Плимута, первоначально называлась Провиденс. Среди основателей Р. Уильямс и Энн Хатчинсон. Это первое английское владение, где официально была провозглашена свобода совести и поддерживалась веротерпимость. - *прим. перев.*). Со дня основания Род-Айленд был убежищем для религиозных диссидентов. В этой колонии было создано несколько плодотворных документов по религиозной свободе, и здесь была гарантирована полная религиозная свобода для всех со времени первой колониальной Хартии в 1663 году. Историк Перри Миллер пришел к выводу о том, что, частично по причине небольшого размера колонии и заметного радикального отклонения ее правительства от пуританской политической теории, Уильямс и его колония "оказали небольшое или вообще не оказали непосредственного влияния на теоретиков Революции и Конституции, которые пытались из совершенно иных интеллектуальных источников". В некотором смысле Уильямс был открыт позже как покровитель традиции религиозной свободы, которая выросла на самостоятельном основании.

В южных штатах, где господствовал принцип рабовладельческого равного раздела земли, преобладал англиканский истеблишмент. Возможно, у Вирджинии был наиболее нетерпимый истеблишмент, что способствовало миграции в островные области Северной и Южной Каролины. Борьба за I разрушение англиканизма (т.е., отделение англиканской церкви от государства - *прим. перев.*) была связана с антибританскими настроениями революции и обеспечила Джефферсону и Мэдисону право претендовать на имя апостолов религиозной свободы в Америке. Эга борьба завершилась джефферсоновским Биллем Религиозной Свободы, принятом в 1785 году.

Мэриленд первоначально был колонизирован согласно хартии, дарованной лорду Балтимору, которая истолковывалась таким образом, чтобы обеспечивать убежище для его римо-католических религиозных собратьев. Однако, ко времени Революции Мэриленд эволюционировал в штат, который был непревзойденным в своей враждебности к католикам. В 1704 году законодательная ассамблея запретила публичные отправления Мессы и на протяжении 18-го столетия на "папистов" были

наложены налоги.

Подобно Род-Айленду Пенсильвания была колонизирована преследуемой группой меньшинства, квакерами. Уильям Пенн, по имени которого назван штат, твердо подчеркивал важность религиозной свободы. "Мы должны дать свободу, о которой просим",- писал он. - Мы не можем фальшивить в наших принципах. У нас не должно быть ни одного, кто страдал бы за какое бы то ни было инакомыслие". Соответственно Пенсильвания распространила основную гражданскую свободу на иудеев и римо-католиков. Она также осудила и запретила принудительную финансовую поддержку религии, рассматривая ее как часть свободы совести. Пенсильвания не допускала "ругательств, выпивок, игр в карты, инсценировок и петушинных боев", так как все это имело тенденцию к тому, чтобы "возбуждать у людей грубость, жестокость ... и безрелигиозность", а подобная "дикость и слабость людей вызывает негодование Бога". В Пенсильвании, как и повсюду, религиозная свобода никогда не понималась как санкционированное свободомыслие. Делавэр по существу был ответвлением Пенсильвании и придерживался существенным образом того же подхода.

У штата Нью-Джерси никогда не было никакой правящей элиты, он был прибежищем для беженцев от узкого консерватизма Новой Англии. В продолжение всей колониальной эпохи у Нью-Джерси было весьма разнородное, хотя и преимущественно протестантское, население. Первоначальные владельцы, лорд Джон Беркли и сэр Джордж Картерст, учредили в 1664 году систему государственного управления, которую они называли "уступками" (концессиями), среди которых была гарантия религиозной свободы всем, "кто фактически не нарушает гражданского мира в провинции".

Нью-Йорк был таким же, как другие средние штаты, в том смысле, что их географическое расположение способствовало целям коммерции и доступа к глубинке, что привело к раннему появлению разнородного населения. В нем было значительное немецкое и датское население вдобавок к британскому. Англикане насчитывали не более 10 процентов населения. Нью-Йорк в дальнейшем стал еще более разнообразным отчасти потому, что он контролировался датчанами. Конституция штата 1777 года уже провозгласила принципы религиозной свободы и отделила Англиканскую церковь от государства.

Вкратце, у каждой из колоний была своя собственная особая история церковно-государственных отношений, в большой степени зависящая от религиозных истоков поселенцев. Характер миграции как из Европы, так и внутри колоний повсюду способствовал развитию плюрализации религиозной ситуации, хотя протестантское преобладание было очевидным. Традиция разделения церкви и государства, установленная сначала в Род-Айленде, постепенно распространилась на другие колонии, но этот процесс оказался не завершенным вплоть до 19-го столетия. Федеральное конституционное запрещение законов "относительно учреждения религии" первоначально воспринималось как запрет на федеральное вмешательство в оставшиеся государственные церкви в штатах и как запрещение на учреждение общенациональной церкви; это, очевидно, не налагало запрет учреждения на уровне штатов. Частью того, что делало жизнь в каждой из колоний отличающейся друг от друга, были именно уникальные и меняющиеся подходы, которые они принимали по церковно-государственным вопросам.

II. Возникновение религиозной свободы как ядра национальной идентичности

На протяжении большей части человеческой истории считалось, что религиозное единство было жизненно важным для единства нации. На религиозных раскольников смотрели соответственно как на угрозу минимальному единству, необходимому для выживания нации. Опыт религиозных войн вследствие Реформации (как внутри страны, так и среди стран) еще больше усилил страхи в отношении того, что религия могла быть опасным источником политической нестабильности. Традиционная государственная церковь рассматривалась как крайне необходимая

опора нравственности граждан, как стабилизатор общественного порядка, как источник легитимности режима и как носитель общей культуры нации. В таком видении мира религиозные различия представлялись угрозой существующему порядку и казалось совершенно разумным мобилизовать государственную машину к попытке устранить угрозу. Религиозное инакомыслие рассматривалось государством как признак по меньшей мере нелояльности и, возможно, предательства.

Этот способ видения мира наглядно представлен в жизни штата на заливе - Массачусетс, где преследуемые верующие, покинувшие Европу ради большей свободы в отправлении религиозных обрядов, вскоре перешли к нападению на инаковерцев и религиозных диссидентов, таких, как Анна Хатчисон и Роджер Уильямс. Но по мере того, как развертывалась колониальная история и быстро увеличивался диапазон религиозных верующих, прибывших в Соединенные Штаты, чтобы избежать даже еще большего преследования в Европе, становилось все труднее и труднее сохранять режим нетерпимости в качестве практической политики. Граница продвижения поселенцев в США была весьма протяженной и было просто слишком легко переместиться куда-нибудь еще тем, кто верил по-иному. Более **того**, слишком очевидным стало лицемерное провозглашения религиозной свободы для своих собственных верований, но недозволённости ее для других.

Политическая теория постепенно изменялась к тому, чтобы приспособливаться к этим новым реальностям. К концу 17-го столетия философ Джон Локк, который среди многих своих свершений оказал помощь в создании проекта конституции для штата Каролина, указал на иной образ мышления относительно движущих сил в религии и политике. В отрывке, преданном забвению в конце его знаменитого "Письма о толерантности", Локк выдвинул следующие тезисы.

Итак, если церковь, которая находится по вопросам религии в согласии с государем, пользуется важнейшей поддержкой любого гражданского правительства, и это происходит ни по какой иной причине, как было уже показано, кроме как по причине доброты государя и благосклонности к ней законов, то **насколько большей будет безопасность правительства, где все добропорядочные подданные, к какой бы церкви они ни принадлежали, не подвергаясь различению по причине религии, пользуясь одинаковой склонностью государя и одинаковыми привилегиями законов, станут общей опорой для него и защитой;** и где не будет страха перед суровостью законов ни у кого, кроме тех, кто действительно вредит соседям и нарушает гражданский мир!

Утверждение Локка в этом отрывке сводилось к тому, что толерантность и уважение имели бы совершенно обратный эффект, далекий от дестабилизации режима. В контексте плюралистического общества режим, уважающий различающиеся убеждения, завоеует поддержку тех, кого он уважает. Результатом станет гораздо большую стабильность, чем та, которая может быть достигнута за счет благосклонности к доминирующей группе. Идея состоит в том, что группы меньшинств будут настолько благодарны за это уважение, что вместо того, чтобы становиться центрами разлада и потенциальной социальной дезинтеграции, они будут глубоко чувствовать себя обязанными быть лояльными по отношению к режиму. Это обеспечивает гораздо большую социальную стабильность, чем та, которую можно извлечь из усиления гегемонии более могущественных элементов в обществе. Эта пронизательность заложила основы понимания религиозной свободы в частности и для плюрализма вообще в современных обществах.

Американский колониальный опыт обеспечил достаточное подтверждение правильности этой пронизательности, чтобы включить ее в одну из аксиом американской политической жизни. Что касается Род-Айленда, то нет оснований заявлять, что религиозная свобода подвергла опасности его общество, хотя сам Род-Айленд иногда и недооценивался из-за сильного баптистского представительства в его населении и сравнительного невежества баптистских непрофессиональных проповедников, а также в силу иных экономических проблем в колонии. Тем более, опыт в сильных средних колониях, от Вирджинии до Нью-Йорка, подтвердил, что

устойчивое государственное устройство могло процветать без государственной церкви и что действительно беженцы от наиболее деспотических режимов за границей или в других колониях, становились наиболее лояльными гражданами штата.

Не все штаты абсорбировали положение Локка ко времени революции и оформления Конституции. Как отмечалось выше, Массачусетс не отделял свою церковь до 1830 года. Хотя многие штаты продолжали допускать уместность сохранения общественной поддержки религии как до революции, так и после нее, ощущение того, что свободу совести следует защищать, было широко распространено и пустило уже корни. Отсутствие явно сформулированной защиты свободы совести во время дебатов при ратификации Конституции зачастую критикуется как недостаток самой Конституции и поэтому неудивительно, что Билль о Правах перечисляет религиозную свободу в качестве своей первой свободы. Таким образом, неудивительно, что вместо учреждения какой-либо религии как обязательной Основателя нашего государства учредили религиозную свободу.

Вполне законно сказать, что через два столетия со времени принятия Конституции Соединенных Штатов, религиозная свобода представляется стержневым элементом американской национальной идентичности. В 40-ых годах Верховный Суд США смог вынести решение о том, что как свободное осуществление права на исповедание религии, так и отсутствие учреждения религии были неотъемлемой частью регламентированной свободы, допускаемой 14-ой Поправкой к Конституции США, и что, соответственно, эти принципы были обязывающими для штатов. Аргументация Верховного Суда по поводу того, намеревались ли первые основатели применять клаузулу относительно учреждения (обязательной религии – Ред.) к штатам, была неясной, но как суть национального опыта, она согласовывалась с доминирующими исходными положениями о важности разделения церкви и государства как оплота религиозной свободы. В Национальном гимне США говорится о "стране свободных", а важнейшей составляющей этой свободы является религиозная свобода. Трудно сослаться на речь, посвященную Дню Независимости (4 июля), которая не вспоминала бы религиозную свободу среди ключевых черт американского общества. У религиозной свободы всегда был высокий приоритет для американцев, когда они действовали ради защиты международных прав человека.

Демонстрация важности религиозной свободы в национальном сознании относится к недавнему опыту в связи с Актом о восстановлении религиозной свободы (Religious Freedom Restoration Act - RFRA). Когда Верховный Суд США сузил в 1990 году свое толкование пределов защиты свободного вероисповедания, вынося решение о том, что любой нейтральный и общий закон мог бы превысить религиозную свободу, собралась чрезвычайно широкая коалиция, представляющая поистине все сферы американского общества, чтобы потребовать и гарантировать по существу единодушное утверждение Акта о восстановлении религиозной свободы в 1993 году. Тот акт подвергся бойкоту прошлым летом на основании недостатка относящейся к Конгрессу силы и коалиция RFRA отыскивает сейчас альтернативные подходы к обеспечению усиленной защиты религиозной свободы. Соль этого рассказа в том, чтобы подчеркнуть, что Локк был прав не только в том, что мыслил религиозную свободу как способную обеспечить фундамент стабильного общества, фундамент куда более устойчивый, чем тот, который обеспечивается государственной церковью, но, кроме того, его проницательность предлагает новую возможность для национально-государственного строительства в современную эпоху. Там, где в прошлом национальные религии служили как связующее вещество в определении национальной идентичности, в современном мире религиозная *свобода* может обеспечить траекторию, вокруг которой может быть построена национальная идентичность. Таким образом, сила документа Конституция Германии от 1949 года является траекторией национальной идентичности, которая вытесняет прошлое. Новая Испанская Конституция с ее одновременным признанием испанской истории и ее приверженностью религиозной свободе для всех сдвинула Испанию в аналогичном направлении. Европейская Конвенция по защите прав человека и основных свобод

предоставляет аналогичный объединяющий принцип европейской идентичности. Как свободное передвижение труда и общая мобильность общества продолжают вносить вклад во взаимодействие обществ и людей, так и религиозная свобода сама не только может, но и служит ключевым элементом идентичности любого справедливого общества.

III. Добродетельное разделение церкви и государства

Нужно привести одну заключительную деталь в отношении американского опыта религиозной свободы. В Европе американский опыт всегда видится аномальным как по причине степени плюрализации в американском обществе, так и по причине строгости, с которой принцип разделения церкви и государства осуществляется в Соединенных Штатах. Я хочу сделать два замечания по поводу такого восприятия.

Во-первых, если плюрализация была аргументом против уместности американских моделей в прошлые годы, то увеличивающаяся плюрализация общества в Европе, особенно в главных урбанизированных зонах, наводит на мысль о том, что американские модели могут оказаться уместными во всевозрастающей степени. Волны иммиграции, свободное передвижение труда и множество иных факторов повсюду плюрализируют городские центры. Моя мысль заключается здесь не настолько в том, что мы нуждаемся во всеобщей гармонизации церковно-государственных отношений повсюду, а скорее в том, что есть ценность в коллективном рассуждении об общих проблемах охраны религиозных прав во все более усложняющемся и взаимозависимом мире и что произвольное отрицание необходимости вдумчивого рассуждения по этим вопросам просто потому, что это является зарубежным, больше не несет в себе смысла. Я являюсь твердым представителем убеждения в том, что мы нуждаемся в возросшем двустороннем взаимодействии между Европой и Соединенными Штатами по трудным вопросам религиозной свободы. Я верю, что Организация по Безопасности и Сотрудничеству в Европе (Хельсинский процесс) может обеспечить важный контекст для постановки и глобализации рассуждений по вопросам религиозной свободы.

Во-вторых, и, это возможно более существенно, жизненно важно понимать основное различие между принципом разделения в том виде, в каком он осуществлялся в Европе и Америке. Вполне справедливо сказать, что по большей части политическое побуждение к разделению церкви и государства исходило в Европе главным образом от антиклерикальных источников. Как результат, побуждение к разделению церкви и государства почти всегда воспринималось в Европе как враждебное по отношению к религии, в особенности организованной религии. В Соединенных Штатах картина намного разнороднее. Нет никакого сомнения в том, что по крайней мере некоторые защитники принципа разделения церкви и государства соглашались с антиклерикальными европейцами по поводу того, что не следует позволять религии становиться слишком могущественной. Безусловно, Джефферсон был обеспокоен этим риском, когда требовал "стену разделения" между церковью и государством и немало тех кто верит, что следует избегать всякого посягательства на принцип разделения из-за риска, что это приводит к доминированию религии большинства.

Тем не менее то, что остается важным в американском опыте, так это то, что "антиклерикальное" крыло сепаратистов совсем не столь значительно, как иное крыло, ассоциируемое в американском сознании с Роджером Уильямсом - основателем Род-Айленда. Основной целью политики разделения Уильямса была защита церкви от коррупции и утонченных соблазнов мира. По мысли Уильямса, когда люди проделывали брешь в изгороди или стене разделения между садом церкви и пустыней мира, Бог всегда разрушал саму стену, удалял подсвечники и превращал Свой сад в пустыню. Как описал это Джеймс Рейхли, для Уильямса стена разделения была в том, чтобы изолировать сад церкви от пустыни мирских дел - существенно иное намерение, чем то, которое Томас Джефферсон позже выразил той же метафорой.

Говоря по-иному, вопрос о неучреждении церкви в Соединенных Штатах имеет гораздо больше общего с тем, что европейцы понимают под правом церковью на автономию в своих внутренних делах. Тревога по поводу чрезмерной религиозной

власти урівнюється таким образом в американському національному свідомості турботою про те, щоб гарантувати повну автономію релігійних інститутів. В результаті можна говорити про "доброжелательний" розділення церкви і держави в Америці. Іншими словами, основною метою розділення є не стреножити релігію, а звільнити її: звільнити її як від прямого державного втручання і надлишкового тягару з боку контрольних органів, але і від більш тонких перегибів в релігійній політиці, які завжди ймовірні, коли релігія стає занадто залежною від щедрості держави. Ці тривоги не є тільки американськими: вони є такими тривогами, які привели Швецію до того, щоб вибрати відокремлення своєї церкви від держави після багатьох століть, і які привели церкви во багатьох інших країнах до необхідності зайнятися захистом своєї автономії.

Віктор Єленський (Україна)

РЕЛІГІЙНО-СУСПІЛЬНІ ЗМІНИ В ПОСТКОМУНІСТИЧНІЙ ЄВРОПІ

Десята річниця падіння Берлінського муру, "оксамитових революцій" у країнах Центрально-Східної Європи і приголомшливих змін, які відбулися в цій частині планети, самою долею призначена до спроб оцінити їхню сутність. Природно, що для релігієзнавчого журналу – це спроба бодай поверхового аналізу напрямків і глибини змін у релігійній сфері. Та в жодній окремій статті неможливо оцінити ці зміни. Тим більше, що часом вони ще дуже далекі від завершення. Але, звичайно, десятирічна дистанція дозволяє зробити деякі висновки

ЦЕРКВИ Й РЕЖИМИ: П'ЯТЬ МОДЕЛЕЙ

Стан релігійних інституцій у країнах східного блоку тільки на перший погляд видавався однаковим. Насправді відмінності між ними були істотнішими ніж можна було сподіватися від політично споріднених режимів цих країн, абсолютна більшість яких жорстко контролювалася Кремлем. Щоб зрозуміти причини цих відмінностей, спробуємо розглянути моделі релігійно-суспільної еволюції країн Другого світу.

Першу з них можна визначити як секуляристський абсолютизм. Ця модель вичерпується Албанією часів диктатури Енвера Ходжі, де у вересні 1967 р. було оголошено, що всі 2169 церков, мечетей і молитовних будинків відтепер закриваються і Албанія стає першою у світі атеїстичною державою. Що уможливило такий крок албанського диктатора, на який не наважилися в кінцевому рахунку ані Сталін, ані Мао Цзедун? Так, звичайно, політична концепція "албанського шляху": фортеця справжніх комуністів, оточена знавсінілими імперіалістами; останній бастион Леніна–Сталіна, свого роду "комуністичний III Рим" у безмежному океані опортуністів і ревізіоністів, які зрадили заповіді класиків. Але дослідники водночас звертали увагу й на інше. Проникнення у країну ісламу, православ'я й католицизму мало поверховий характер, вони так і залишилися неасимільованими албанським етосом, котрий великою мірою так і зостався язичницьким. Іслам, православ'я і католицизм, проповідували відповідно арабською, грецькою й латиною, сприймалися багатьма як чужинецькі релігії. Зрештою, в Албанії так і не постала релігійна інституція, яка б усвідомлювалася всіма як охоронниця албанської ідентичності, культури, мови – і була б такою насправді.

Звернімо на це увагу – албанська специфіка стане нам у пригоді при розгляді другої моделі – жорсткого й антагоністичного відокремлення церкви від держави. Цю модель з більшою або меншою послідовністю реалізував Радянський Союз. Амплітуда його релігійної політики була більш ніж відчутною. Від кривавого терору на одному полюсі, який знищив понад 50 тисяч одних лише православних священнослужителів, до імперської політики вмонтовування "головної церкви головного народу" в систему політичної ідеології. Від цілком серйозних спроб "остаточного розв'язання релігійного питання" до так званого релігійного непу і спрямування священників на виховання пастви в дусі "громадянськості й радянського